

УДК 94(571.150):913.1

ББК 63.218+26.890(2Рос-4Алт)

**И.П. Фальк и П.С. Паллас о формировании
и функционировании российской границы на юге
Западной Сибири***

Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**I.P. Falk and P.S. Pallas about the Formation and Functioning
of the Russian Border in the South of Western Siberia**

D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Данная статья — опыт выделения и реконструкции представлений видных ученых XVIII в. И.П. Фалька и П.С. Палласа относительно складывания российской границы на юге Западной Сибири. Показывается, что подходы авторов формировались не только на фоне отсутствия делимитированной и демаркированной границы между Российской империей и Джунгарским ханством, а затем Цинской империей, но также напрямую зависели от маршрута путешествия, наличия или отсутствия в силу разных причин доступа к той или иной информации. Методологическим фундаментом работы стал метод крупного плана. Исследовательские положения подробно анализируются в контексте целевых установок ученых, а также круга привлеченных ими источников. В контексте исторической и географической характеристик территорий раскрываются идеи «природной границы» И.П. Фалька и «естественной границы» П.С. Палласа. Автор публикации приходит к выводу о том, что труды И.П. Фалька и П.С. Палласа способствовали дальнейшему утверждению в административном дискурсе и среде научной интеллигенции линейного подхода к восприятию границы России, элементы которого ранее проявились еще в работах Г.Ф. Миллера.

Ключевые слова: российская государственная граница, естественная граница, труды ученых и путешественников, Западная Сибирь, крепости Иртышской линии, Кольвано-Воскресенский производственный комплекс, Верхнее Обь-Иртышье (Алтай).

The article represents the experience of appearance and reconstruction of the views of prominent scientists of the 18th century I.P. Falk and P.S. Pallas regarding the Russian border in the south of Western Siberia. It is shown that the authors' approaches were formed in the light of the absence of a delimited and demarcated border between the Russian Empire and the Dzungar Khanate, then the Ching Empire, and also directly depended on the travel itinerary, the availability or absence of information access for various reasons. The study was methodologically grounded by the “close up” method. Research statements are analyzed in detail in the context of the scientists' targets and attracted sources. The ideas of the “natural boundary” of I.P. Falk and the “natural border” of P.S. Pallas are described in the context of historical and geographical characteristics of the territories. The author comes to the conclusion that the works of I.P. Falk and P.S. Pallas contributed to the further confirmation in the administrative discourse and among the scientific intelligentsia of a linear approach to the perception of the Russian border, the elements of which were manifested in G.F. Miller's works.

Key words: Russian state border, natural border, writings of scientists and travelers, Western Siberia, fortresses of Irtysh line, Kolyvano-Voskresenskiy industrial complex, Upper Ob-Irtysh area (Altai).

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-02

---

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006/ОГН.

В классификации российских границ все чаще в качестве особого типа специалисты выделяют *азиатскую границу*. Формально эта категория может быть определена как южные рубежи России в Средней и Центральной Азии. При более глубоком анализе под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, обширный территориальный локус, располагавшийся между различными государствами или полугосударственными образованиями [1, с. 39]. На ранних этапах вызревания имперской суверенности ключевым для освоения участком азиатской границы являлось междуречье крупных сибирских рек Оби и Иртыша (Обь-Иртышье). Главным геополитическим соперником России в регионе являлось сначала своенравное Джунгарское ханство, а затем мощная Цинская империя. Вследствие этого государственная политика освоения юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. приобрела военно-колониальный характер и реализовывалась в форме осуществления ряда военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах. В середине — второй половине столетия в приграничных сибирских районах был реализован переход от рассеянного принципа стратегической фортификации к линейному, следствием чего стало возникновение сети укрепленных оборонительных линий. В результате южные районы Западной Сибири как сегмент азиатской границы России в течение XVIII в. эволюционировали от слабо заселенного лимитрофа к хорошо укрепленному лимесу.

Среди факторов формирования сибирского участка российской государственной границы следует выделить два фундаментальных обстоятельства. Во-первых, в силу огромного территориального разрыва между центром и осваиваемой окраиной имперские власти осмысливали пространство с серьезным запозданием, а уровень такого осмысления административно-политических рубежей, как правило, не соответствовал динамике геополитической ситуации [2, с. 36–37]. Во-вторых, делимитированная и тем более демаркированная граница России с каким-либо из региональных акторов в Обь-Иртышском междуречье отсутствовала. При этом не только создание, но и разрастание архитектуры сибирских укрепленных линий лишь снижало остроту вопроса границы, но отнюдь не разрешало его полностью. Действие обоих факторов в длительной перспективе привело к возникновению множественных образов российской границы на юге Западной Сибири как совокупностей ярких характерных символов и ключевых представлений, описывающих реальные географические пространства [3, с. 93]. Широкий спектр таких теоретических конструктов следует подразделить на две конвергентные группы: политико-географические и историко-географические.

Политико-географические программы восприятия нашли свое отражение в сознании имперских властей различных уровней, а также лиц, находившихся на государственной службе и привлекавшихся для выполнения административных задач в регионе (руководители экспедиций, геодезисты). Иными словами, это трактовки границы, формирование которых в той или иной степени связано с административным началом, поскольку в Российском государстве первичное осмысление пространства осваиваемых регионов исторически располагалось в плоскости административного дискурса [1, с. 41]. Применительно к XVIII в. следует выделить официально-дипломатический, картографический и локально-управленческий подходы к восприятию границы [1, с. 42].

Наряду с политико-географическими направлениями XVIII столетие ознаменовалось возникновением целого ряда историко-географических образов российской границы на юге Западной Сибири. Складывание этих ментальных конструктов обусловлено тенденцией осмысления освоенческих процессов в среде научной интеллигенции. Каналом репрезентации сформированных в результате эмпирических изысканий историко-географических образов становились дневники, путевые записи, статьи, монографии как путешественников, посещавших Алтай, так и ученых, занимавшихся разработкой того или иного аспекта региональной проблематики [1, с. 64].

Целью настоящей публикации является реконструкция историко-географических образов российской границы на юге Западной Сибири (в Верхнем Обь-Иртышье, на Алтае), представленных в трудах Иоганна Петра Фалька [4; 5], а также Петера Симона Палласа [6; 7]. В историографии изучению специфики пространственного восприятия этих специалистов до сих пор не уделено должного внимания. В советские годы взгляды историков были устремлены на взаимодействие иностранных ученых с географическим департаментом Академии наук [8]. В наши дни аналитический фокус в отношении И.П. Фалька концентрируется на методологии исследователя [9, с. 1103–1106; 10, с. 190–195], а в отношении П.С. Палласа — на характеристике натуралистических и этнографических наблюдений ученого о Приуралье и Западной Сибири в целом [11; 12, с. 195–198; 13, с. 10].

Своеобразие источниковой базы исследования заключается в акцентуации внимания и И.П. Фалька, и П.С. Палласа на тематике освоения региона (как ретроспективной, так и современной им) и, как следствие, в побочном рассмотрении вопросов складывания российской границы. Архитектура статьи выстроена на основе метода «крупного плана», предполагающего погружение в идейно-смысловой мир

ученого или путешественника и анализ исторических явлений его глазами [14, с. 14], что, в свою очередь, позволяет реконструировать индивидуальную мотивацию и обстоятельства генерации тех или иных авторских суждений.

И.П. Фальк являлся руководителем одного из оренбургских отрядов, сформированных Академией наук с целью «сбора сведений на пользу общую государства и распространение наук» [15, с. 53]. На Алтае ученый побывал в 1771 г., посетил Барнаул и Змеиногорский рудник, осмотрел озеро Кольвань, проехал вдоль Чарыша и Алея, после чего направился в Кузнецк [16, с. 218]. Тем не менее собранных им материалов оказалось достаточно, чтобы представить относительно полную картину генезиса российской границы в Обь-Иртышском междуречье.

Не ставя перед собой задачу осуществить комплексный ретроспективный анализ процесса формирования государственных рубежей, И.П. Фальк, однако, сопроводил общий обзор Кольванской губернии, описание Кузнецкого уезда и верхнего течения Оби отдельными историческими замечаниями и отступлениями. В частности, шведский путешественник считал, что Кузнецк был построен не на российской земле, а в «Зюнгорской степи» [4, с. 527], т.е. фактически в приграничной зоне, контролировавшейся контайшей и его зайсанами. В начале XVIII в. пограничным районом мыслились уже верховья Оби (повышенное внимание ученого к гидрографической системе являлось частью авторской методики репрезентации региона [15, с. 55]), причем как Бия, так и Катунь были заселены лишь с российской стороны, а вершины рек «оставлены» ойротам. О характере пролегания границы в Верхнем Приобье И.П. Фальк не упомянул, хотя и отметил, что обнаружил в архиве Барнаульской канцелярии подробные карты района [4, с. 512–513]. Описывая междуречье Оби и Иртыша, ученый пришел к выводу, что эта местность была «открыта» для набегов ойротов, а также казахов и вплоть до конца первой трети XVIII в. сохраняла свой неопределенный статус: не принадлежала ни российской, ни джунгарской стороне. Ключевым событием, закрепившим область за Россией, стало начало разработки медных руд и становление горнозаводского производства [4, с. 436–437].

Современные ему контуры государственных рубежей в Обь-Иртышье И.П. Фальк связывал с укрепленными линиями, что полностью соотносилось с официальной версией, утвердившейся в административном дискурсе: от Омска граница уходила на юг до Усть-Каменогорской крепости, после чего поворачивала на северо-восток вплоть до Бийска [5, с. 28]. В целом, эта точка зрения соответствовала и во многом развивала предложенную ранее Г.Ф. Миллером картину исторической эволюции рос-

сийской границы на юге Западной Сибири. Немецкий профессор еще в первой половине XVIII в. в своих рассуждениях сочетал линейный (восприятие границы в качестве узкой линии) и буферный (обозначение границы в качестве буферной, переходной зоны) подходы к определению государственных рубежей [17, с. 17, 21–22; 18, с. 473–507].

Однако в сознании И.П. Фалька представления о российской границе в регионе не исчерпывались суммой последовательно соединенных лимесов (укреплений). Одним из элементов характеристики географических параметров Кольванской губернии выступил тезис о «природной границе», ментально проведенной путешественником по алтайским хребтам (без указания каких-либо вершин или горных хребтов). Несоответствие фактической и «природной» границ шведский ученый объяснил труднопроходимыми условиями местности, в силу чего «Кольванская и Кузнецкая дистанции проведены более к северу [от Алтайских гор]» [4, с. 436].

Основываясь на чертежах и информации из Кузнецкой канцелярии, а также на собственных наблюдениях, И.П. Фальк представил чрезвычайно подробное для своего времени описание разделительных пограничных знаков на востоке Верхнего Приобья в районе Абакана: «Российская и Китайская [межи], одна близ другой. Каждая имеет высокое каменное основание, сложенное из диких камней и большую часть из кусков красноватого песчаного шифера, или складенное без цемента. Каждое основание образует притупленную кеглю, вышиною в 2 сажени. На нем стоит самая межа, деревянный столб. Российская вышиною в 1 1/3 сажени и с крестом. Китайская межа гораздо простее; она вышиною от фундамента в 8 футов и с китайскими надписями» [4, с. 511]. Это первое описание достоверно существовавшего демаркационного знака, не фортификационного (крепости или линии крепостей) объекта на юге Западной Сибири, представленное в опубликованной работе ученого (путешественника). Речь идет о так называемой Шабиной (Шабин-Дабага) горе — месте разграничения Российской и Цинской империй. О «маяке» на этой возвышенности упоминается в архивном деле об экспедициях Петра Алексеевича Мельникова в предгорья Алтая в 1733–1734 гг. [19, л. 65]. Примечательно, что И.П. Фальк привел не только описание российского знака, но и осуществил (пусть и в примитивной форме) его сравнение с китайским.

Коллега И.П. Фалька по академическим экспедициям, руководитель другого оренбургского отряда П.С. Паллас посетил Алтай в рамках своей экспедиции летом 1771 г. Маршрут пролегал вдоль Иртышской линии, далее через Змеиногорск и Кольванский завод к Барнаулу, а затем Ново-

Павловскому и Сузунскому предприятиям [16, с. 154; 20, с. 75]. В целом, путешественнику удалось подробно описать Прииртышье, но в гораздо меньшей степени изучить Верхнее Приобье. Материалы, представленные в итоговом труде П.С. Палласа [6; 7], носят характер путевых заметок, дневниковых записей, что несколько осложняет реконструкцию образа границы в силу хаотичной эклектики фактов, суждений, оценок и впечатлений.

Стержневым фактором, детерминировавшим характер описания немецким ученым российских рубежей на юге Западной Сибири, явилось откровенное нежелание руководства Сибирской пограничной линии обеспечивать должный уровень информационно-логистического сопровождения и охраны экспедиции. В частности, при отправлении из Омска П.С. Паллас с определенным раздражением подчеркивал стремление командующего Сибирским корпусом С.К. Станиславского скрыть подробные карты Прииртышья: «Ответствовано мне на то было, что без имянного Всевысочайшего указа они мне хранимых карт ни сообщить, ни показать не могут» [6, с. 113]. Позже путешественнику удалось получить от все того же С.К. Станиславского лишь трех казаков для изучения соленого озера на левом берегу Иртыша, что, по объективным причинам, не позволило обследовать местность [6, с. 189]. Кроме того, для руководителя экспедиции тяжелая болезнь стала непреодолимым препятствием к посещению Усть-Каменогорской крепости, в результате чего, пожалуй, наиболее информативный и проблемный участок границы в сжатом виде был описан студентом Н. Соколовым. Несмотря на эти обстоятельства П.С. Палласу в своих путевых заметках удалось отразить не просто набор идеологем, а представить целостную концепцию генезиса и функционирования российской границы.

Ядром теоретических построений ученого стали положения об оборонительных линиях как маркере выделения де-факто существовавших на тот момент государственных рубежей и о естественной границе Российской империи в предгорьях Алтая. Российскую границу в Прииртышье П.С. Паллас отождествлял с военно-инженерными объектами Иртышской укрепленной линии на широком протяжении от Омской до Усть-Каменогорской крепости, которая определялась «как последний и южный пограничный форпост, противу Китайских Сунгорских степей» [6, с. 256]. От Иртыша до Оби граница была описана при помощи перечисления фортификационных объектов Кольвано-Воскресенской линии. Немецкий путешественник в недостаточной мере был знаком с названиями

и типовой принадлежностью инженерных сооружений (крепость, форпост, станция или редут), поэтому в его изложении перечень укреплений выглядел следующим образом: Белорецкий, Березовский, Заинский, Загирский, Казанской Богоматери, Кобановский, Калмыцкий и Озерный форпосты, а также Никалиская (на самом деле Николаевский форпост [21, с. 42–43]), Ануйская и Биская (ошибка в названии обусловлена тем, что П.С. Палласу не удалось посетить Бийск) крепости [6, с. 211].

Проводя свои изыскания практически параллельно с И.П. Фальком, П.С. Паллас смог трансформировать идею «природной» границы в целостную концепцию «естественной границы». Ученый предполагал, что для Обь-Иртышского междуречья, помимо укрепленных линий, есть более рационально обоснованный вариант установления государственных рубежей по двум ключевым горным хребтам, последовательно сменявшим друг друга: «В прочем сие есть начало великаго Алтайского хребта гор, ... полагающего естественную границу между Российской империею и Зюнгорскими степями... распространяющегося к восточной стороне чрез северную Азию и от Иртыша до Оби... от Оби до Енисейска же Саянского хребта» [6, с. 206–207].

Размышления о наиболее рациональном варианте установления российской границы П.С. Паллас сопровождал рядом суждений относительно оптимального режима ее функционирования. Отмечая в верховьях Иртыша значительное количество русских деревень, немецкий энциклопедист предлагал жителям приграничных административных пунктов приписать к предприятиям Кольвано-Воскресенского комплекса, чего «многие от поселян онаго желают, и может быть, что все при перемене смотра начали бы иметь свои выгоды» [6, с. 213]. Кроме того, вполне обоснованно серьезной критике подверглась система расположения Кольвано-Воскресенской линии за то, что она фактически «отрезала» от территории России значительное количество уже открытых рудников и еще целый ряд потенциально богатых рудами гор [6, с. 211]. Наконец, П.С. Паллас подчеркнул острую необходимость создания пограничной линии от Кузнецка до Енисея, однако констатировал невозможность фактического осуществления этого замысла вследствие «диких гор» [6, с. 301].

Таким образом, труды И.П. Фалька и П.С. Палласа способствовали дальнейшему утверждению в административном дискурсе и в среде научной интеллигенции линейного подхода к восприятию границы России, отдельные элементы которого проявились ранее еще в работах Г.Ф. Миллера.

Библиографический список

1. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII — начала XX в. — Барнаул, 2016.
2. Замятин Д.Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. — 2003. — № 4.
3. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М., 2006.
4. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента : в 7 т. — СПб., 1824. — Т. 6.
5. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента : в 7 т. — СПб., 1825. — Т. 7.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. — СПб., 1786. — Ч. 2, кн. 2.
7. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства : атлас. — СПб., 1788.
8. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. // Труды архива Академии наук СССР. — Вып. 6. — М. ; Л., 1946.
9. Носкова О.Л. Иоганн Петер Фальк — последователь Карла Линнея в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2007. — Т. 9, № 4.
10. Александровская О.А., Широкова В.А., Романова О.С., Собисевич А.В. «Экспедиции, наводящие мосты, — ученик К. Линнея И.П. Фальк»: российско-шведский проект // Вопросы истории естествознания и техники. — 2017. — Т. 38, № 1.
11. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. — М., 2014.
12. Команджаев А.Н., Батыров В.В. Профессор П.С. Паллас и «Описание калмыцкого народа» // Вестник Иссyk-Кульского университета. — Т. 27. — 2014.
13. Сытин А.К. Петр Симон Паллас — исследователь природы Западной Сибири: первые десять дней экспедиции // XIV Зырянские чтения. — Курган, 2016.
14. Головнев А.В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. — 2010. — № 4 (29).
15. Киссер Т.С. Путешествие И.П. Фалька и И.Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 2 (51).
16. Исследователи Алтайского края. XVIII — начало XX в.: библиографический словарь. — Барнаул, 2000.
17. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подг. А.Х. Элерт. — Новосибирск, 1996.
18. Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оногo отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири : в 3 т. — М., 2005. — Т. 3.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 46.
20. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). — Барнаул, 2006.
21. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: научно-методический и репертуарно-информационный альманах. — Вып. 16. — Тюмень, 2007.